В диссертационный совет 24.2.336.03,
созданный на базе Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123242, г. Москва, ул. Садовая-
Кудринская, д. 7, стр. 22.

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Жуковой Анастасии Алексеевны по теме: «Разграничение экологических правонарушений: уголовно-правовые аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает никаких сомнений. Одним из этапов квалификации, под которой понимается установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, является разграничение преступлений между собой и отграничение их от административных правонарушений и непреступного поведения.

К сожалению, нормы главы 26 УК РФ изложены таким образом, что при оценке конкретного криминального деликта, посягающего на окружающую среду и ее компоненты, как правило, на применение претендуют сразу несколько уголовно-правовых норм, содержащихся в главе 26 УК РФ «Экологические преступления». По видимому, это объясняется тем, что отечественный законодатель буквально воспринял прозвучавшую на IX Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (г. Каир, Арабская Республика Египет, 29 апреля – 8 мая 1995 г.) рекомендацию ликвидировать лазейки, существующие в законодательстве многих стран об ответственности за экологические правонарушения, и при конструировании главы 26 УК предусмотрел все возможные ситуации преступного воздействия на природную среду, в результате чего образовались сектора пересечения, в которых уголовно-правовые нормы частично накладываются, конкурируя друг с другом. Кроме того, имеются сложности разграничения экологических преступлений с преступлениями против собственности, с преступлениями в сфере экономической деятельности, с некоторыми преступлениями против общественной безопасности.

Ситуацию усугубляет тот факт, что многие составы главы 26 УК РФ содержат трудноразличимые признаки, отграничивающие уголовно-наказуемые деяния от административных проступков, указанных в главе 8 КоАП РФ. Поэтому, правоохранительные органы не всегда могут дать правильную правовую квалификацию выявленному противоправному юридическому факту, предпочитая более простую административную юрисдикцию.

Вместе с тем, правильная квалификация деяний обеспечивает соблюдение принципа справедливости, законности уголовно-правового воздействия, раскрывает весь предупредительный и карательный потенциал уголовного права.

В виду изложенного, исследование проблем, обозначенных в диссертации, представляется весьма важным и **актуальным**.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что это одно из первых комплексное научное исследование, посвященное вопросу разграничения экологических преступлений между собой, отграничения их от преступных деяний, находящихся в иных главах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и административных правонарушений, предусмотренных главой 8 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды, природопользования и обращения с животными», в результате которого получены новые знания и сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм главы 26 УК РФ и эффективизации их применения на практике.

Диссертантом предложены правовые подходы к квалификации экологических преступлений, помогающие решить сложные вопросы разграничения экологических преступлений между собой и отграничения от иных преступлений, содержащихся в других главах Особенной части УК РФ, а также обозначить критерии отграничения их от административных правонарушений экологического характера.

Новизна научного исследования обусловлена также предложениями по введению в главу 26 Уголовного кодекса РФ новых уголовно-правовых норм, и совершенствованию уже существующих.

Следует выделить **наиболее существенные научные результаты**, содержащиеся в диссертации.

1. Представляет научный интерес подход диссертанта к определению видового объекта экологических преступлений, под которым предложено понимать общественные отношения по обеспечению *экологического благополучия населения*.

На первый взгляд, автор выдвигает человекоцентричную модель взаимоотношений общества и природы, в то время как в науке уголовного и экологического права достаточно давно высказаны мысли о необходимости рассматривать природу как главную ценность, основу существования живых существ на планете.

Однако далее диссертант раскрывает содержание общественных отношений по обеспечению экологического благополучия населения. Это отношения:

- по сохранению качественного, устойчивого и равновесного состояния окружающей среды (включая отдельные экологические системы) и биологического разнообразия как социальной ценности;
- по рациональному и бережному природопользованию;
- по обеспечению экологической безопасности населения.

Тем самым, декларируется подход, согласно которому экологическое благополучие человека возможно только при обеспечении устойчивого состояния окружающей среды.

Названный подход к видовому объекту экологических преступлений позволил диссертанту обосновать предложение по изменению названия главы 26 УК РФ – «Преступления против экологического благополучия населения» [п. 2 положений, выносимых на защиту; с. 46 – 51 диссертации].

2. Оригинальным выглядит выделение в структуре Уголовного кодекса преступлений переменно-природоохранного характера, которые диссертант подразделяет на две группы:

- преступления, в которых объект посягательства дополнен экологичностью на постоянной основе, но охрана природной среды выступает в качестве дополнительного объекта (ст. 226^1, 245, 358 УК РФ);

- преступления, в которых природная среда выступает в качестве дополнительного объекта преступного посягательства альтернативно, в зависимости от фактических обстоятельств (ст. 207^1, 215, 237, 243 УК РФ). [с. 132 диссертации, и далее].

3. Диссертант скрупулезно исследовал вопрос конкуренции уголовно-правовых норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления» между собой, а также с нормами, содержащимися в других главах Особенной части УК РФ. Убедительно продемонстрировал диаметральные подходы к квалификации экологических преступлений, встречающиеся в доктрине уголовного права, а также на примерах из судебной практики показал разнородную судебную практику по квалификации преступлений против природной среды. Предложил свой аргументированный подход к разрешению конкуренции уголовно-правовых норм.

Так, не смотря на общепринятый подход в науке уголовного права и судебной практике к ст. 246 УК, как общей по отношению к статьям УК, предусматривающим ответственность за преступное загрязнение отдельных компонентов природной среды, диссертант обосновывает тезис о том, что нормы, закрепленные в ст. 246 УК РФ, являются специальными по отношению к общим нормам ст. ст. 250 – 252, 254 УК РФ, если деяние совершено специальным субъектом в ходе выполнения работ, указанных в ст. 246 УК РФ.

4. Диссертант, с опорой на ч. 3 ст. 12 УК РФ, обосновал возможность привлечения к уголовной ответственности на территории Российской Федерации по российскому уголовному закону лиц, совершивших вне пределов Российской Федерации преступление, характеризуемое как экоцид [с. 129-130 диссертационного исследования].

5. Исследуя вопрос о соотношении браконьерских составов с преступлениями против собственности, диссертант приводит веские доводы, объясняющие, почему Верховный Суд Российской Федерации в п.15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования", в редакции

постановления Пленума Верховного Суда России от 15 декабря 2022 г. № 38, рекомендовал квалифицировать *как хищение* рубку деревьев, определенных для рубки в соответствии с договором купли-продажи лесных насаждений, либо договором аренды лесного участка или проектом освоения лесов, если их рубка произведена лицом, у которого отсутствуют необходимые для этого документы.

Диссертант доказывает, что критерием разграничения экологических преступлений и преступлений против собственности является критерий приложения труда, а также критерий обособления природного ресурса. Обособление может быть, как фактическим, так и юридическим. Фактическим обособлением может быть рубка деревьев, одомашнивание животного и тп., а юридическим, например, оформление прав на лесной участок. Передача лесопользователю лесного участка в аренду с целью рубки является *юридическим способом обособления*, и тем самым деревья на корню преобразуются в имущество. Поэтому, рубка таких деревьев лицом, не имеющим правовых оснований для совершения этих действий, должна квалифицироваться как хищение, а не экологическое преступление [п. 9 положений, выносимых на защиту; с. 145-146 диссертационного исследования].

6. Представляют научный интерес выводы диссертанта по результатам выборочного рассмотрения судебных решений по уголовным делам (Приложение № 3 к диссертации). Так, изучение процессуальных актов, вынесенных по делам о нарушении правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК), показало, что 91,9% рассмотренных преступлений состояли в причинении вреда *почвам* (посредством снятия плодородного слоя почвы для строительных работ, добычи общераспространенных полезных ископаемых, размещения отходов с нарушением природоохранных требований). Исследовано 37 процессуальных актов (из них 23 приговора); по ст. 247 УК из 24 решений (из них 16 приговоров), 91,67% состояли в причинении вреда (или наступлении угрозы его причинения) *почвам* в результате нарушения правил обращения с отходами; по ст. 254 УК (15 материалов, из них 9 приговоров) 77,78% рассмотренных деяний связаны с нарушением правил размещения отходов и иных опасных химических веществ на *земельных* участках.

7. К достоинствам диссертации следует также отнести широкое использование автором судебно-следственной практики по делам об экологических преступлениях, которая помогла диссертанту продемонстрировать имеющуюся проблематику в рассматриваемом вопросе и обосновывать предлагаемые решения.

Достоверность и обоснованность результатов научного исследования не вызывает сомнения, так как большая часть научных положений, выводов и рекомендаций базируется на анализе имеющихся проблем в правоприменении, которые удалось установить благодаря изучению эмпирического материала. В ходе исследования (по разработанному алгоритму) изучены материалы 1052 судебных решений по уголовным делам

об экологических преступлениях (в том числе 843 приговора, а также 188 апелляционных и кассационных определений и постановлений судов) за 2010 – 2024 гг. в 82 субъектах Российской Федерации, включая также определения Конституционного Суда Российской Федерации, и судебные акты Верховного Суда Российской Федерации. Выводы и рекомендации основаны на данных судебной статистики, результатах анкетирования практических работников. Кроме того, в своих суждениях автор умело опирался на теоретические положения, сформулированные и доказанные другими исследователями.

Диссертационное исследование представляет существенную **теоретическую и практическую значимость**. Результаты исследования могут служить основой для дальнейшего совершенствования норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления», использоваться в судебно-следственной практике и в учебном процессе.

Положения, выносимые на защиту, отражают актуальность и новизну диссертационного исследования и соответствуют заявленной цели и задачам.

Результаты проведенного исследования докладывались соискателем на научных мероприятиях различного уровня и нашли свое отражение в шести научных статьях, четыре из которых опубликованы в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий (Перечень ВАК).

Несмотря на общую положительную оценку работы, следует высказать ряд **предложений и замечаний** о проведенном исследовании.

1. Стержневая проблема представленного диссертационного исследования – разграничение экологических преступлений между собой. Как сказано нами ранее, при квалификации конкретного криминального деликта, посягающего на окружающую среду и ее компоненты, почти всегда на применение претендуют сразу несколько уголовно-правовых норм, содержащихся в главе 26 УК РФ, конкурируя друг с другом.

В научных работах, посвященных этой проблеме, вопрос выбора уголовно-правовой нормы предлагается решать с помощью правила о конкуренции общей и специальной нормы, закрепленного в ч. 3 ст. 17 УК РФ. Причем, в науке уголовного права сформировалось два лагеря ученых, занимающих диаметральные позиции относительно того, какие нормы главы 26 УК РФ являются специальными, а какие общими.

Диссертант также пошел в этом же направлении.

Вместе с тем, разноголосица по данному вопросу заставляет задуматься: в том ли направлении движется научная мысль, решая стоящую перед практикой задачу уголовно-правовой квалификации деяний в сфере экологии?

Дело в том, что уголовное право в вопросе общего и специального вынуждена опираться на философию и науку логики. В логике и философии отношения между понятиями рода и вида следующие: род – понятие, объём которого шире и полностью включает в себя объём другого понятия, вид – подчинённое понятие, входящее в состав другого, более общего понятия. В теории права уже достаточно давно С.С. Алексеевым была высказана мысль,

что общими следует называть юридические нормы, которые распространяются на *род* данных отношений, а специальными – нормы, действующие только в пределах конкретного *вида* отношений. Следовательно, специальная норма всегда меньше по объему, но больше по содержанию, и находится в логическом отношении *подчинения*, когда объем одного понятия полностью входит в объем другого, составляя его часть.

При анализе соотношения норм главы 26 УК РФ видно, что все они находятся в состоянии пересечения, а не подчинения. Какие из них являются родом, а какие видом, определить чрезвычайно сложно.

Можно было бы предположить, что нормы, содержащиеся в ст. 246 УК РФ, относятся к роду отношений, так как они достаточно полно охватывают виды деятельности в экологической сфере, и защищают от преступного воздействия все компоненты природной среды: землю (почву), недра, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный и животный мир. Однако, как верно заметила диссертант, в ст. 246 УК идет речь об ответственности специального субъекта. Поэтому, в работе сделан вывод о том, что ст. 246 УК РФ является специальной нормой по отношению нормам, предусматривающим ответственность за преступное посягательство на отдельные компоненты природной среды.

Судя по всему, в сфере экологических преступлений имеет место иная закономерность, и нужно выработать правило разрешения конкуренции норм тогда, когда они не соотносятся между собой как род и вид, и когда они находятся друг с другом в состоянии логического пересечения, а не подчинения.

2. Недостаточно точным, на наш взгляд, является определение понятия экологических преступлений: общественно опасные, противоправные, виновно совершенные путем нарушения правил природопользования и/или охраны окружающей среды, загрязнения, иной порчи, уничтожения либо повреждения природных объектов и природных ресурсов деяния, посягающие на указанные выше отношения, за совершение которых уголовным законом предусмотрено наказание и иные меры уголовно-правового характера [п. 3 положений, выносимых на защиту, с. 61-62 диссертационного исследования].

Из данного определения не совсем понятно, охватываются ли им браконьерские составы, хотя не сомневаемся, что диссертант и их имел в виду.

Так, диссертант говорит о нарушении правил природопользования, уничтожения или повреждения природных ресурсов. Но при добыче водных биологических, охотничьих ресурсов или лесных насаждений природный ресурс не уничтожается и не повреждается. Он изымается из естественной среды и приобретает определенную экономическую ценность.

Полагаем, в этой части авторское определение понятия экологических преступлений подлежит доработке с учетом высказанных соображений.

3. Спорными представляются отдельные выводы автора относительно разграничения преступлений, предусмотренных главами 16 и 26 УК РФ.

В частности, Жукова А.А. полагает, что если *умысел* виновного направлен на причинение вреда жизни или здоровью человека посредством воздействия на природную среду, то деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений с преступлениями против жизни и здоровья. Так, если умышленно причинен тяжкий вред здоровью в результате загрязнения питьевого источника, содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 250 УК РФ и ст. 111 УК РФ. Совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 112 и 115 УК РФ *не образуется* [п. 8 положений, выносимых на защиту; с. 137 диссертационного исследования]. Она пишет, что если лицо с *прямым* умыслом причиняет вред жизни или здоровью человека, воздействуя на природную среду, то отношения по охране жизни и здоровья приобретают статус основного объекта преступного посягательства, что свидетельствует о необходимости квалификации деяния как преступления против жизни и здоровья. В случае сопутствующего причинения вреда окружающей среде, деяние может быть квалифицировано по совокупности [с. 137-138 диссертации].

Из этих положений следует, что предложение о квалификации по правилу об идеальной совокупности экологических преступлений и преступлений против жизни и здоровья распространяется только на деяния, совершенные с *косвенным* умыслом. При этом, экологическое преступление имеет приоритет перед деяниями главы 16 УК, если причинен легкий вред здоровью или средней тяжести. Видимо, диссертант сопоставил санкции статей главы 26 и главы 16 УК и пришел к такому выводу.

Однако, такой подход не согласуется с позицией Верховного Суда РФ, который в п. 2 и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» указал, что под причинением вреда здоровью человека при совершении преступлений, предусмотренных статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частью 2 статьи 250, частью 2 статьи 251, частями 1 и 2 статьи 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью *любой степени тяжести* одному или нескольким лицам, а исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено *умышленно или по неосторожности* (например, преступления, предусмотренные статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частями 1 и 2 статьи 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности).

Тем самым, Верховный Суд РФ не исключает прямой умысел при совершении экологического преступления и полагает, что таким преступлением охватывается причинение *тяжкого* вреда здоровью человека.

Вместе с тем, с точки зрения системности Уголовного кодекса, причинение вреда жизни и здоровью человека при совершении экологического преступления следует рассматривать только как неосторожное деяние. Но из действующего УК, учитывая наличие ч. 2 ст. 24

УК РФ, это не усматривается. Для исправления этого, de lege ferenda, нужно внести изменения в диспозиции статей главы 26 УК РФ, и указать на причинение вреда здоровью человека по неосторожности.

К сожалению, диссертация не содержит такого предложения, а только рекомендацию правоприменителю, как следует квалифицировать подобную ситуацию.

Также сложно согласиться с выводом диссертанта, высказанным на с.137, что причинение смерти по неосторожности в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, охватывается понятием иные тяжкие последствия и дополнительной квалификации по ст. 109 УК не требуется. В качестве обоснования Жукова А.А. приводит довод, что санкция, установленная ст. 246 УК РФ, значительно строже установленных в ч. 1-3 ст. 109 УК РФ, что исключает необходимость квалификации деяния по совокупности.

Однако, Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» обозначил последствия, которые следует относить к иным тяжким. Среди них нет указания на причинение смерти человеку.

Следует заметить, что по смыслу, заложенному в Уголовном кодексе РФ, иные тяжкие последствия не охватывают собой причинение смерти человеку. Законодатель всегда отдельно указывает на последствия в виде причинения смерти по неосторожности. В этом можно убедиться, обратив внимание на п. «в» ч. 3 ст. 126 УК; ч. 3 ст. 127; п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК; ч. 2 ст. 128 УК; п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 4 ст. 131 УК; ч. 2 ст. 167 УК и др.

4. Вызывает вопросы подход диссертанта к обозначению предмета экологических преступлений, под которым предлагается понимать окружающую среду или элемент окружающей среды (в их социально-ценностном смысле и значении), путем воздействия на который причиняется вред непосредственному объекту, экологически значимая информация, а также право каждого человека на поддержание качественной, устойчивой и равновесной окружающей среды. [п. 4 положений, выносимых на защиту; с.55 диссертационного исследования].

В науке уголовного права дискуссионен вопрос о предмете преступления и его соотношении с объектом преступления. Наиболее распространенным является понимание предмета преступления как вещи материального мира, с посягательством на которые закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления. Такой подход является превалирующим в учебных заведениях, входящих в систему Министерства внутренних дел, как, впрочем, и в Московском государственном юридическом университете (МГЮА). Другие ученые рассматривают в качестве предмета преступления правила, которые нарушаются при совершении таких преступлений (Н. А. Лопашенко), или социальное благо, которое включает в себя не только материальные ценности, но и поведение участников общественного отношения (В.Д.

Филимонов). В следственной практике встречается позиция, когда предметом преступления считаются вредные вещества и отходы, эмитируемые в природную среду.

Однако, автор в качестве предмета экологических преступлений определил и окружающую среду с её компонентами, которые можно отнести к объектам материального мира, и информацию, как объект правовых отношений, и права человека – закрепленное в ст. 42 Конституции страны право на благоприятную окружающую среду.

При таком своеобразном подходе вначале следовало с опорой на имеющиеся в теории права и науке уголовного права позиции, обосновать теоретическую возможность столь широкого понимания предмета преступления. Однако, в тексте диссертации такое обоснование нам обнаружить не удалось.

5. Недостаточно обоснованным, по нашему мнению, выглядит предложение включить состав главы 26 УК РФ преступление, предусматривающее ответственность за искажение или сокрытие экологической информации (ст. 246^2 УК РФ) [с. 72-73, 225-226 диссертационного исследования]. В настоящий момент сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, квалифицируется по ст. 237 УК РФ.

Диссертант выдвигает в качестве довода следующее: избежание разночтений и обеспечение единства изложения уголовно-правовых норм с учетом объекта преступного посягательства, а также то обстоятельство, что он относится к числу экологических преступлений в уголовных кодексах ряда стран СНГ, таких как Казахстан, Таджикистан и Республика Беларусь.

Помимо того, что такое предложение недостаточно обосновано, оно еще не отличается новизной. Так, подобное предложение высказывалось Артамоновой М. А. в диссертации «Соотношение экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды», защищенной в 2013 г. (п. 6 положений, выносимых на защиту).

Кроме того, диссертант не внес предложений по изменению ст. 237 УК РФ, чтобы избежать конкуренции норм 246^2 и ст. 237 УК РФ.

Названные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что диссертация «Разграничение экологических правонарушений: уголовно-правовые аспекты» Жуковой Анастасии Алексеевны является **самостоятельно выполненной научно-квалификационной работой**, представляющей собой логически завершенный научный труд, обладающий внутренним единством, в котором содержится решение научной и практической задачи, имеющей значение для развития юридической отрасли знаний, и науки уголовного права в частности, по разграничению в процессе квалификации экологических преступлений между собой, а также с

преступлениями, содержащимися в иных главах Особенной части УК РФ, и административными правонарушениями в области охраны окружающей среды и природопользования.

Диссертация соответствует критериям, установленным абз. 2 п. 9, п.п. 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (ред. от 16.10.2024 № 1382), а ее автор, Жукова Анастасия Алексеевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент -
Профессор кафедры уголовного права
федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Омская ордена Почета академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
доктор юридических наук (12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), доцент

Попов Игорь Владимирович

«08» декабря 2025 года

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»;
почтовый адрес: 644092, г. Омск, проспект Комарова, д. 7
официальный сайт: https://ома.мвд.рф.
контактный телефон: +7(3812)75-15-60
e-mail: magistr-igorpopov@rambler.ru

Подпись И.В. Попова
верно
Начальник отделения
делопроизводства и режима
ОМА МВД России
08 12 25